

ДЕПОПУЛЯЦИЯ ПРИБРЕЖНЫХ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ ЛИТВЫ – МОЖЕТ ЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СТАБИЛИЗИРОВАТЬСЯ БЛАГОДАРЯ РЕГИОНАЛЬНЫМ ПАРКАМ?

Д. Веркулевичюте-Крюкене
А. Бучене
Э. Чепиене

Клайпедский университет,
LT-92227, Литва, Клайпеда, С. Нериес, 5

Поступила в редакцию 27.12.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-5
© Веркулевичюте-Крюкене Д., Бучене А.,
Чепиене Э., 2021

Региональные парки были созданы в Литве для сохранения наиболее ценных физических и культурных компонентов ландшафта и среды обитания согласно положениям сети «Натура 2000». Главным образом парки расположены в естественных или полустественных ландшафтах сельской местности, характеризующихся более высоким уровнем депопуляции по сравнению с другими более урбанизированными районами страны. Ожидалось, что приоритетные природоохранные территории смогут привлечь молодые семьи к проживанию на них, что должно было таким образом стабилизировать численность населения. Цель данного исследования — изучить населенные пункты и изменения в численности сельского населения в трех региональных парках Клайпедского уезда, чтобы определить количество исчезнувших деревень (с нулевым населением) и деревень, которые исчезнут (с населением < 5 человек), провести сравнение с численностью населения в населенных пунктах без природоохранного режима. В статье особое внимание уделено миграции как одной из детерминант депопуляции. Методы, использованные в исследовании — анализ национальной и местной статистики, институциональных документов и структурное интервью — позволили выявить различные ситуации, в которых режим сохранения, применяемый в региональных парках, не всегда является фактором, побуждающим местных жителей продолжать проживать в них или переезжать в них для проживания. Близость к морю и городам / местным городским центрам с развитой социальной инфраструктурой по-прежнему остается первоочередным фактором выбора места проживания в сельской местности.

Ключевые слова:

депопуляция, исчезнувшие населенные пункты, сельское население, региональные парки, природоохранный режим

Введение

Депопуляция зависит от многих факторов, таких как социально-экономические, политические, экологические, фактор культурных традиций и др., которые могут нарушить способность населения к воспроизводству и привести к исчезновению на-

Для цитирования: Веркулевичюте-Крюкене Д., Бучене А., Чепиене Э. Депопуляция прибрежных сельских районов Литвы – может ли демографическая ситуация стабилизироваться благодаря региональным паркам? // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 2. С. 90–111. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-5.

селенных пунктов. Подобные ситуации отмечаются и отмечались в большинстве стран и регионов мира в разные периоды времени. Негативное влияние депопуляции на сельские поселения можно разделить на три группы: влияние на культуру, природу и население [1].

На заброшенных территориях произрастают леса, кустарники и восстанавливается природа [2]. Некоторые виды растений или животных, среда обитания которых зависит от деятельности человека, могут исчезнуть. Материальные объекты, которые не используются, разрушаются. В отсутствие населения состояние почвы ухудшается, и она постепенно становится непригодной для сельского хозяйства [3]. В более широком масштабе опустение деревень ведет к снижению экономической активности, что делает эти районы неконкурентоспособными. Сельские ландшафты меняются не только в результате процессов, происходящих в сельскохозяйственном производстве и на протяжении веков являющихся факторами, формирующими эти ландшафты (интенсификация / маргинализация, специализация, концентрация). Они также изменяются благодаря урбанизации, которая означает эмиграцию из сельских регионов, при этом другие факторы, такие как проживание в сельской местности, возможность отдыха на природе, туризм и осуществление охраны природы, также все более заметно влияют на динамику ландшафта, находясь во взаимном действии с изменениями, происходящими в сельском и лесном хозяйствах [4—12]. Охраняемые природные территории парков могут быть «притягивающими» или «привлекающими» факторами для местного населения, пользующегося преимуществами альтернативной экономики [13; 14]. С одной стороны, в сельской местности появляется больше услуг и возникает новая инфраструктура за счет развития рекреации, туризма и действий по защите окружающей среды, с другой — сокращаются численность местного населения, его концентрация, в результате чего сельская местность пустеет. В Литве и других странах Восточной Европы эти процессы ускорились после распада Советского Союза в 1991 году [15].

После восстановления независимости Литвы количество деревень разного размера сократилось, хотя изменения во внутренней структуре системы сельских поселений при этом были минимальными. Наименее негативные перемены произошли в поселках среднего размера (201—500 жителей). Более крупные сельские поселения, выполняющие различные служебные функции, сохраняют некоторую жизнеспособность, более мелкие исчезают¹ [16].

По данным, полученным от староств Литвы (самых мелких административных единиц уровня NUTS-4), только в Биржайском районе (Северная Литва) в настоящее время 133 деревни не имеют населения. В Западной Литве в течение последних 30 лет исчезли 14 деревень в старостве Картена Кретингского района². В Шилутском районе в 2001 году по сравнению с 1989 годом 12 деревень прекратили существование. В старостве Жемайчу Науместис в ближайшие годы могут исчезнуть 3 населенных пункта с численностью населения в 2011 году от 1 до 6 человек [17]. Если в Западной Литве численность сельского населения начала сокращаться начиная с 2000 года, то в других регионах Литвы сокращение началось после провозглашения независимости страны [16]. Миграция людей по экономическим и со-

¹ *Kretingos rajono Kartenos seniūnijos išnykę kaimai // 2016 metų etnografinės ekspedicijos medžiaga / Kretingos muziejus. 52 p. URL: https://issuu.com/kretingosmuziejus/docs/2016m_ekspedicija (дата обращения: 22.12.2017).*

² *Gyventojų skaičiaus pasiskirstymas pagal teritoriją, amžių ir lytį 2011, Lietuvos Respublikos 2011 metų visuotinio gyventojų ir būstų surašymo rezultatai, 2013. Lietuvos Statistikos Departamentas. Vilnius, URL: https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Inform_gyv_sk_pasisk.pdf/cd1f3d45-ef4b-446f-af6a-f56e23c94519 (дата обращения: 22.12.2017).*

циальным причинам была определена исследователями из многих стран как один из основных факторов, вызывающих депопуляцию, которая в дальнейшем протекает как самовоспроизводящийся процесс. Обычно сначала мигрируют молодые, мобильные трудоспособные люди, затем молодые семьи со своими детьми. Это исключает возможность воспроизводства населения. Неоднородность процессов развития села и структуры поселений приводит к нехватке рабочих мест и возникновению социальных проблем в этих районах. Территории небольших деревень в европейских странах также характеризуются наиболее сильными миграционными тенденциями. Некоторые из этих населенных пунктов совершенно обезлюдели и превратились в мертвые или призрачные деревни [18].

Как отмечается в различных исследованиях, политика сохранения может создать условия для нового доминирования дикой природы над давно сложившейся человеческой культурой, что способно отрицательно повлиять на небольшие и уязвимые местные популяции [19; 20]. Даже социально-экономические перспективы, создаваемые в результате формирования охраняемых территорий, не могут компенсировать негативное влияние ограничений, налагаемых положениями об охране этих территорий [20].

В настоящее время в Литве существуют 30 региональных парков, которые составляют 54 % от общей площади охраняемых территорий Литвы и созданы на территориях возделываемых ландшафтов. Региональные парки в Литве выполняют множество задач и функций, но основная их функция заключается в сохранении наиболее ценных физических и культурных компонентов ландшафта, включая культурное наследие, среду обитания в сети «Натура 2000» и т.д. [21]. Согласно положению о региональных парках на их территории запрещена или ограничена деятельность, которая может нанести ущерб ландшафту, природным и недвижимым культурным ценностям, а также природным рекреационным ресурсам, запрещено строительство зданий, вызывающих визуальное загрязнение³.

Количество охраняемых территорий в Литве возрастает, что вызывает некоторое недовольство местного населения. Существуют различные причины конфликтов между местными жителями и администрацией региональных парков: стейкхолдеры жалуются на то, что они не входят в рабочие группы, жители особо охраняемых природных территорий на то, что они не могут участвовать в природоохранной деятельности, возникают разногласия по поводу запрещающих положений, действующих на охраняемых территориях, жесткие правила парков ограничивают хозяйственную деятельность и др. [22]. Еще одной проблемой является низкий уровень осведомленности местного населения, проживающего на территориях региональных парков. Жители не знают даже, какие охраняемые ценности находятся в районе их проживания и каковы меры их охраны. Необходимо укреплять контакт с местным населением, уделять больше внимания информированию и обеспечению доступа к информации [23]. Жители региональных парков Клайпедского уезда сталкиваются с этими проблемами в большей или меньшей степени.

Согласно различным исследованиям каждая заброшенная деревня или район требуют особого вмешательства, учитывая сложность ситуации [24; 25]. Согласно К. Гюлеру и Й. Какхья (2019) одним из способов решения проблемы является возвращение прежних и переселение новых жителей. Часть населения может также периодически приезжать в свои вторые дома, созданные в этих селах [1].

³ Republic of Lithuania Law on Protected Areas, 9 November 1993, No I-301. As last amended on 11 June 2015–No XII-1784. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/t/TAD/cf9f9132b60d11e6a3e9de0fc8d85cd8?jfwid=rivwzvvpvg> (дата обращения: 08.08.2020).

Несмотря на то, что литовские исследователи занимаются изучением процесса сокращения численности сельских жителей в географическом аспекте [26; 27], исследования того, как этот процесс протекает на охраняемых территориях и, особенно, в региональных парках, по-прежнему отсутствуют. До проведения настоящего исследования предполагалось, что масштабы уменьшения размеров поселков и численности населения на территориях региональных парков с преобладающим природоохранным режимом будут значительно меньше по сравнению с ситуацией, наблюдаемой в других районах, поскольку парки должны првлекать людей, особенно молодых, обновлением сферы услуг и возможностью работы в гармонии с природой. Целью данного исследования было изучение трех региональных парков Клайпедского уезда и их населенных пунктов (сел), численности сельского населения и его вариаций во времени и пространстве с целью определения количества исчезнувших деревень (с нулевым населением) и деревень, которые исчезнут (с населением < 5), путем проведения сравнения с численностью населения в населенных пунктах без режима охраны для выявления причин депопуляции и разработки мер совершенствования региональной политики и управления.

Объектами исследования являются населенные пункты (села) и сельское население 3 региональных парков, 4 районных самоуправлений и их 12 староств Клайпедского уезда в 2001, 2011 и 2019 годах.

Область и географические локации исследования

Все региональные парки различаются по своему географическому положению, истории, охраняемым объектам, населению, развитию поселений и хозяйственной деятельности. Их объединяет один природный элемент — гидрография. Так, региональный парк Паюрис расположен на берегу Балтийского моря, региональный парк дельты Немана находится на берегу Куршского залива, а региональный парк Салантай изрезан реками и ручьями. С административной точки зрения все региональные парки принадлежат Клайпедскому уезду.

Региональный парк дельты Немана. Парк расположен в месте разветвления реки Неман на несколько ручьев на границе с Калининградской областью Российской Федерации. Регион изрезан многочисленными водоемами: реками, польдерами и каналами. Здесь обитают более 300 видов птиц. Уникальность парка заключается в том, что весной, а иногда зимой и осенью большая его часть бывает затоплена. Поймы в основном используются как луга и пастбища. Обилие дешевых кормовых ресурсов создает особенно благоприятные условия для животноводства.

Региональный парк Паюрис. Парк занимает полосу материкового побережья Литвы и около 30 км² акватории Балтийского моря. В парке сосредоточены уникальные прибрежные ландшафты, природные и культурные ценности, а также представлено биологическое разнообразие Балтийского моря. Парк привлекателен песчаными пляжами, сочетающимися с подмытыми берегами и сосновыми лесами, благоприятными для отдыха.

Региональный парк Салантай. Парк расположен на северо-западе Литвы, на территории трех районных самоуправлений. Большую часть составляют земли сельскохозяйственного назначения — 67% площади парка. Четверть площади покрыта лесами. Уникальной ценностью регионального парка являются валуны, образованные последним ледником и не пострадавшие от хозяйственной деятельности до сих пор. Парк призван сохранить ландшафт, природную экосистему и ценности культурного наследия речных долин и их окрестностей (рис. 1).

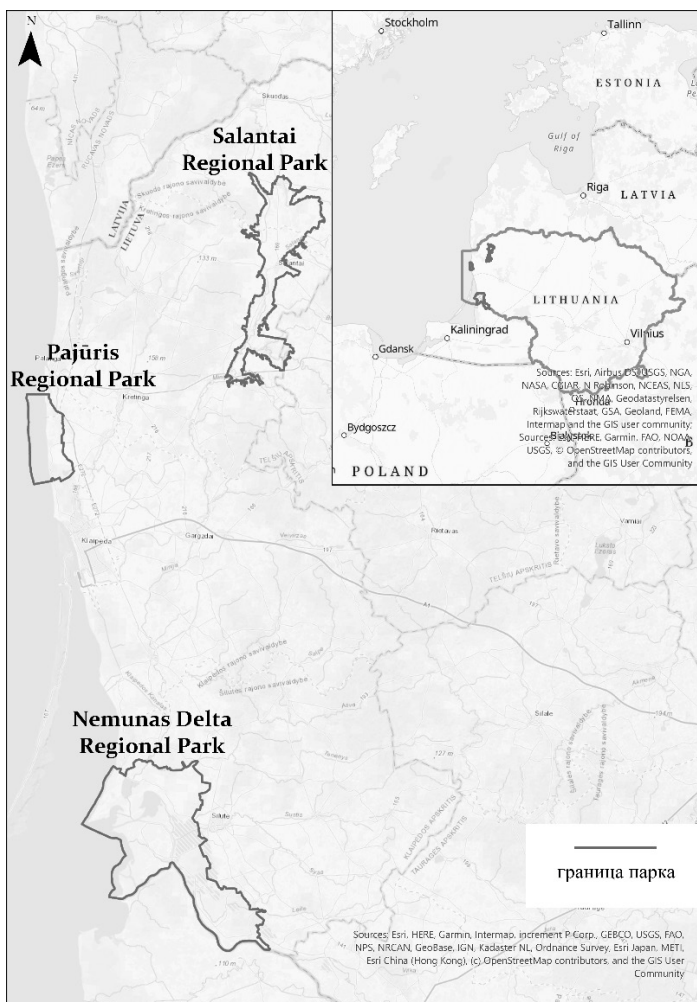

Рис. 1. Расположение исследуемых парков в Западной Литве

Источник: на основе статистики, представленной староствами за 2019 год.

По размеру сельского поселения и численности населения литовские населенные пункты представляется возможным разделить на следующие группы: очень малые (1—4, 5—9, 10—24, 25—49 человек), малые (50—99), средние (100—199, 200—499), большие (500—1000) и очень большие (1001+) [27]. В прибрежной части страны преобладают в основном села среднего размера [28].

Исследуемые региональные парки различаются по площади и численности населения: самым большим по площади является региональный парк дельты Немана, а самым маленьким — региональный парк Паюрис. Региональный парк Салантай, занимающий среднее положение по площади, — самый большой по численности населения и населенных пунктов, а также по плотности населения. Самые большие поселения находятся в региональном парке Паюрис, за ним следуют региональные парки Салантай и дельта Немана. Три поселка расположены в региональном парке Салантай и один в региональном парке дельты Немана, при этом большинство населенных пунктов представляют собой села разного размера (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика населения анализируемых региональных парков в 2019 г.

Региональный парк	Площадь, км ²	Численность населения, чел.	Плотность населения на км ²	Общее число поселений	Средняя численность населения в поселениях, чел.	Площадь поселений, % от общей площади
Паюрис	58,65	1789	30,5	7	255,6	0,9
Салантай	132,65	5526	41,7	29	190,6	4,2
Парк дельты Немана	288,7	2293	7,9	26	88,2	1,0

Источник: разработано авторами на основе статистики, представленной староствами в 2019 году.

В соответствии с историко-архитектурными особенностями, функциями и расположением поселения региональных парков делятся на три группы, как это показано на рисунке 2.

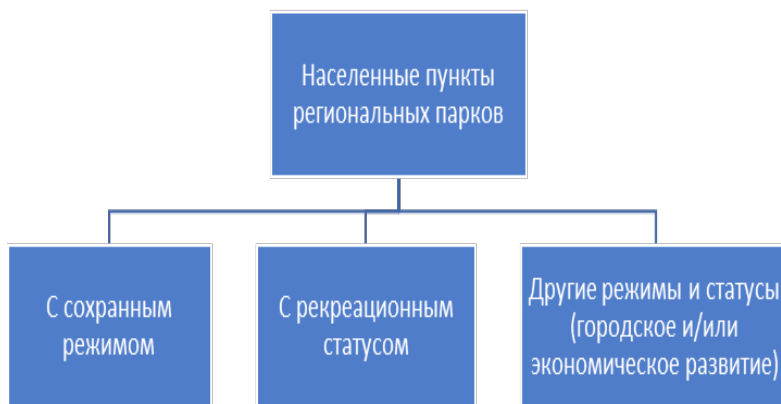

Рис. 2. Классификация населенных пунктов региональных парков Литвы в соответствии с их основными приоритетами

Источник: составлено авторами на основе: *Pajūrio regioninis parkas* // Tvarkymo planas. URL: https://www.pajuris.info/index.php?option=com_content&view=article&id=58&Itemid=65&lang=en (дата обращения: 08.08.2020).

Первую группу составляют поселения с охраняемым режимом — города, поселки и села или их части, которые должны охраняться как ценные образцы культурного наследия. Регламент для их сохранения формируется на основе принятых принципов сбережения архитектурного наследия: консервация, реставрация, регенерация, имитация, обновление, преобразование. В соответствии с применением одного или нескольких принципов могут возникнуть разные результаты деятельности по сохранению объектов — аутентичные объекты, копии, имитации, гибриды, инновации и др. Управление ландшафтами поселений первой группы осуществляется в соответствии с общими принципами пространственного формирования и пространственных отношений.

Вторую группу составляют поселки с приоритетом рекреационных интересов — в основном территории летних дач, современные и будущие, основная задача которых — обеспечить рекреационную функцию их ландшафтного менеджмента. Третью группу составляют поселения, расположенные в основном в буферных зонах парка, они не отличаются большим количеством объектов культурного насле-

дия или природоохранной деятельности, но благодаря их существованию происходит охрана других, более ценных территорий. В этой группе могут иметь приоритет экологическая защита, городское и/или экономическое развитие⁴.

Методы исследования

С целью изучения процесса вымирания поселений в выбранных региональных парках, староствах и районах были использованы методы структурного интервью, анализа литературы, карт, статистических данных и правовых документов, ГИС и классификации. Всего в 2018 и 2020 годах мы провели два полуструктурированных интервью с 12 руководителями староств и ландшафтными специалистами в трех региональных парках (по телефону и через интернет). Были опрошены представители следующих староств: Моседис, Скуодас, Имбаре, Каргена, Кулупенай, Кретингале, Кинтай, Русне, Юкнайчай, Шилуте, Саугос, Салантай. Качественный анализ трех тематических исследований был направлен на выявление причин депопуляции населенных пунктов и способов различных заинтересованных сторон или местных властей объяснить эти причины, а также разработку мер по прекращению депопуляции.

Результаты исследования были нанесены на карту с помощью программного обеспечения Arcgis PRO. Процентное изменение населения староств в 2001—2019 годах представлено в виде хороплет-карты, где области староств представлены разными цветами в зависимости от интенсивности процесса. Поселения были классифицированы в соответствии с изменением численности населения (без изменений, отрицательное изменение, положительное изменение, отсутствие населения), каждому классу был присвоен соответствующий символ для нанесения поселения на карте. Распределение населенных пунктов и изменений их численности классифицировано и проанализировано с учетом основных приоритетов региональных парков, изменения численности населения, с уделением особого внимания исчезнувшим и исчезающим населенным пунктам.

Результаты исследования

В Литве наблюдается быстрый рост крайне малонаселенных территорий. Это вызвано не только высоким уровнем миграции, но и низкой рождаемостью. Литовские ученые делят малонаселенные территории на три класса: I — менее 5 чел./км²; II — 5—10 чел./км²; III — 10—12,5 чел./км². Выявлены также районы с плотностью населения до 15 чел./км². Районы с плотностью населения менее 12,5 чел./км² считаются малонаселенными [27].

Средняя плотность населения староств, расположенных в исследуемых региональных парках, составляет 63,5 чел./км². При этом два города также попадают в эту группу. После исключения городского населения из статистики средняя плотность населения в пригородах достигает 21,3 чел./км², таким образом, плотность населения поселений в большинстве староств превышает 12,5 чел./км². Только в одном старостве (Нотенай) плотность населения в 2019 году составляла всего 9,54 чел./км².

Согласно классификации литовских староств на подтипы [29] поселения, расположенные в региональных парках, имеют разный уровень урбанизации. Большинство обследованных районов относятся к негородским территориям, которые характеризуются большой удаленностью от городов, сокращением численности населения и отрицательной естественной изменчивостью населения. Из них уезжает больше жителей, чем прибывает. Староства Салантай и Скуодас (территория регионального парка Салантай) классифицируются как менее урбанизированные. Они находятся далеко от г. Клайпеды, а также от морской зоны отдыха и не очень привлекательны для жителей. Шилутское староство — это смешанная городская территория, находящаяся-

⁴ *Pajūrio regioninio parko tvarkymo planas: sprendiniai // Valstybinė saugomų teritorijų tarnyba prie Aplinkos ministerijos. Vilnius, 2014.*

ся под влиянием районного центра Шилуте. Кретингальское староство (территория Паюрисского регионального парка) считается пригородной зоной, входящей в зону влияния двух городов — Клайпедского портового города и курорта Паланга.

Помимо природных элементов в исследуемых региональных парках охраняются следующие объекты: урбанизированные территории (этнографические деревни Миния (Минге) и Русне (бывшая Скирвителе) в региональном парке дельты Немана), а также строительные комплексы: этнографическая усадьба, фрагменты бывшей усадьбы и многие другие объекты регионального парка Салантай).

Качественное состояние объектов наследия зависит от функциональной площади парка. В заповедных зонах комплекс зданий и сооружений находится в хорошем физическом состоянии, а статусы их подлинности, культурной ценности или значимости практически не изменились. Однако физическое состояние и культурная ценность других объектов ухудшились [30].

Причин депопуляции / опустения разных поселений выделяется много, однако в основном они носят политический (войны, ссылки советского периода, административное деление, эмиграция, партизанское движение, советская коллективизация и т. д.), экономический (индустриализация, мелиорация или восстановление земель, эмиграция в другие страны, в том числе в страны ЕС, внутренняя миграция в более крупные города и т. д.), и естественный (стихийные бедствия, такие как землетрясения, наводнения, оползни и др.) характер. Таким образом, географическая мобильность людей может быть объяснена факторами макро- и микроуровня, одним из которых является миграция из сельской местности в города. В Литве, как и в других развивающихся странах, этот тип миграции также породил международную миграцию [31]. Например, когда Литва в 1990 году провозгласила независимость, население страны проживало в 19 541 населенном пункте (села, отдельные усадьбы, города или городки), тогда как в 2011 году, согласно последней переписи населения, граждане Литвы проживали в 18 461 населенном пункте — на 6 % меньше [32].

Процесс депопуляции в Литве имеет явные региональные различия. В Западной Литве, где расположены анализируемые территории, эмиграция оказывает большее влияние на убыль населения, чем естественные изменения [26].

В 2001—2011 годах количество сельских поселений в Литве уменьшилось на 1638 населенных пунктов, или на 4,13 %. В исследуемых районах, где расположены региональные парки, за 2001—2020 годы исчезло 46 сел, или 9,4 % (табл. 2). Этот процесс сокращения численности ускорился в 2001—2011 годах и стабилизировался в последующие годы.

Таблица 2

Общее количество сельских поселений и количество исчезнувших поселений в муниципалитетах Клайпедского уезда в 2001, 2011 и 2020 годах

Муниципалитет	Общее число населенных пунктов			Количество исчезнувших населенных пунктов (0 жителей)	
	2001	2011	2020	2001	2011
Скуодасский район	171	169	169	5	10
Кретингский район	194	189	189	23	26
Клайпедский район	302	290	284	11	12
Шилутский район	310	288	289	12	15
<i>Всего</i>	977	936	931	51	63

Источники: Lietuvos gyventojų ir būstų surašymas 2001 m. Surrašymo rezultatai, informacinis pranešimas // Lietuvos Statistikos Departamentas. Vilnius, 2002. P. 5; *Valstybės įmonė Registrų centras*. URL: https://www.registrucentras.lt/ibi_apps/WFServlet?IBIF_webapp=/ibi_apps&IBIC_server=EDASERVE&IBIWF_msgviewer=OFF&IBIF_ex=ar-a1-savivaldybes.fex&CLICKED_ON=&ADM_PAV=Klaip%EBdos%20apskr.&APSKR=3.00&LENT_NR=160.00&PERIODAS_N=0000020009&PERIODAS_I=0&skirt=0&adm_vien=1&dat_laik=1&LAIK=1 (дата обращения: 15.07.2020).

Данный отрицательный демографический процесс наиболее затронул отдаленный Шилутский район Клайпедского уезда [33], где количество сельских поселений сократилось более чем на 6%. Относительно крупные сельские поселения в Западной Литве в настоящий момент могут поддерживать уровень численности населения, поэтому в этом регионе отмечается меньшее количество опустевших населенных пунктов (без жителей), чем в других областях. Процесс изменения числа жителей в районах Клайпедского уезда значительно отличается от аналогичного в других районах — в пригородном районе Клайпеды количество жителей увеличилось, а в остальных районах уменьшилось [34].

В районах, где расположены региональные парки, в период 2001—2011 годов полностью обезлюдели 12 сельских поселений (исчезнувшие населенные пункты), этот процесс еще не завершен. Количество крайне малонаселенных сельских поселений в региональных парках возрастает (рис. 3). В настоящее время на исследуемой территории находятся 7 деревень с населением менее 5 человек (6 в региональном парке дельты Немана и региональном парке Салантай (по 3 деревни в каждом) и 1 деревня в региональном парке Паюрис). Данные за последние почти двадцать лет демонстрируют перспективу роста количества таких деревень в будущем. В региональном парке Салантай расположены 3 исчезнувшие деревни.

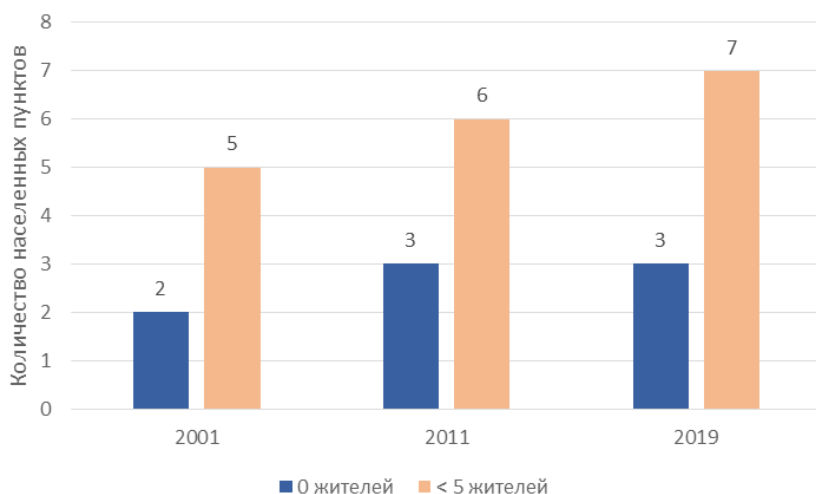

Рис. 3. Количество исчезнувших деревень (0 человек) и деревень с населением менее 5 человек в трех исследованных региональных парках в 2001, 2011 и 2019 годах.

Источник: составлено авторами на основе данных, предоставленных администрацией староств за 2019 год.

В региональных парках преобладают небольшие поселения. Численность населения превышает 1000 жителей только в поселках. Несмотря на то, что во многие региональные парки прибыло больше жителей, чем убыло за последний год, за более длительный период (2001—2020) тенденция к сокращению численности наглядно прослеживается.

Изменение численности населения в региональных парках может быть объяснено следующими причинами:

1. Общие демографические тенденции, характерные для территории всей Литвы и западного региона в частности.
2. Конкретные причины, связанные с осуществляемой деятельностью и ограничениями, накладываемыми в связи с функционированием региональных парков.

Определить, какой именно фактор в большей степени повлиял на изменение численности населения исчезнувших деревень, представляется сложной задачей. Эти населенные пункты расположены недалеко от административных границ муниципальных образований, удалены от районных центров и в силу этого не привлекательны для жителей. Два из трех поселков в 2019 году относились к зоне охранного режима, поэтому хозяйственная деятельность в них ограничена и в них могут создаваться только усадьбы, предназначенные для сельского туризма. Таким образом, существует вероятность, что со временем в процессе развития сельского туризма может произойти заселение некоторых исчезнувших деревень.

Изменения в распределении численности населения и в миграционных настроениях как в целом по стране, так и в Западной Литве в большей степени определяются географическим положением (привлекательность г. Клайпеды и близость к морю). Клайпеда как крупнейший город Западной Литвы, портовый город, промышленный, сервисный, научный и культурный центр привлекательна не только для литовцев, но и для приезжающих из-за границы. Однако, как и другие крупнейшие города Литвы, Клайпеда переживает процесс субурбанизации. Многие молодые семьи покупают жилье в пригороде и поселяются там. По мере удаления от побережья и от города плотность населения снижается, строения располагаются реже, средний возраст населения возрастает. В Клайпедском уезде демографическая ситуация характеризуется более положительно, чем в среднем по стране — в 2019 году коэффициент демографического возраста (количество людей в возрасте 65 лет и старше на 100 детей в возрасте до 15 лет) в Литве достиг 130, а в Клайпедском уезде — 119. Хотя значения естественного изменения отрицательны по всей Литве (на 1000 жителей — -3,8), в Клайпедском уезде естественная динамика населения несколько лучше — -2,2.

В 2001 — 2019 годах численность населения в региональном парке дельты реки Неман уменьшилась на 24,7 %, а в региональном парке Салантай — на 19,9 %. Выявлено только 9 населенных пунктов, в которых численность населения увеличилась за этот период: 4 села в региональном парке Паюрис, 3 села в региональном парке Салантай и 2 села в региональном парке дельты реки Неман (рис. 4).

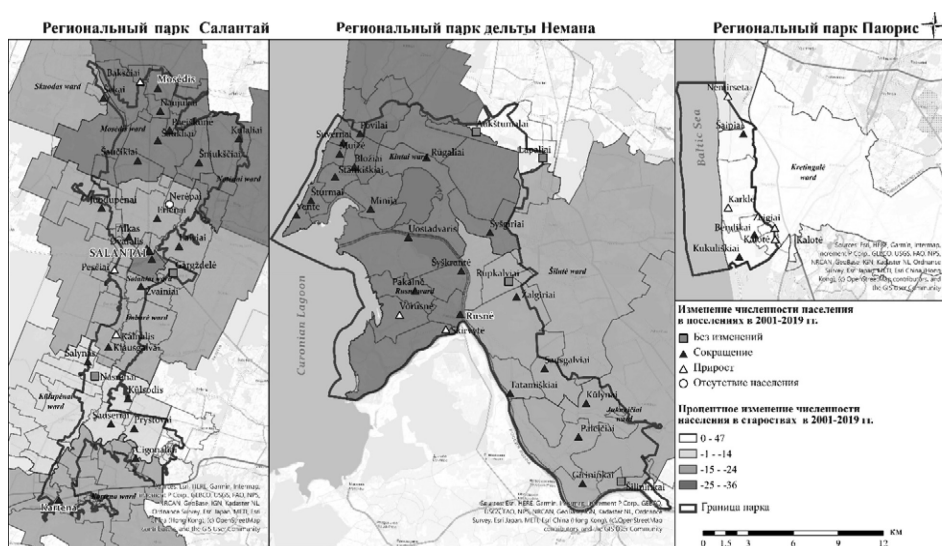

Рис. 4. Пространственное изменение численности населения исследуемых региональных парков в 2019 году по сравнению с 2001 годом

Источник: разработано авторами на основе статистики, предоставленной старостами за 2019 год.

В отличие от региональных парков Салантай и Неманского парка население регионального парка Паюрис за 2001—2019 годы увеличилось в 3,25 раза. Этот парк уникален тем, что расположен в приморской зоне недалеко от портового города Клайпеда. Географическая привлекательность и лучшие перспективы трудоустройства побуждают молодые семьи покупать жилье на его территории. Большинство прибывающего населения — молодые люди, ищущие чистую, тихую среду проживания для себя и своих семей. В последние годы количество молодых людей, приезжающих в пригород Клайпеды, растет. Однако для повышения привлекательности территории важно, чтобы в селах были хорошо развиты сеть дорог и социальная инфраструктура (школа, детский сад и т. д.).

Таким образом, в региональном парке Паюрис отмечается быстрый рост численности населения, в то время как в других региональных парках населенные пункты увеличились лишь на несколько жителей (рис. 4). В целом на территориях, прилегающих к г. Клайпед, рост количества крупных (более 500 жителей) поселений был наиболее быстрым, рост числа небольших поселений (до 9 жителей) также отмечен, но число поселений с 10—99 жителями за период 2001—2011 годов сократилось [35].

Особенности изменений численности населения в селах с разными приоритетными интересами за почти 20 лет представлены на рисунке 5.

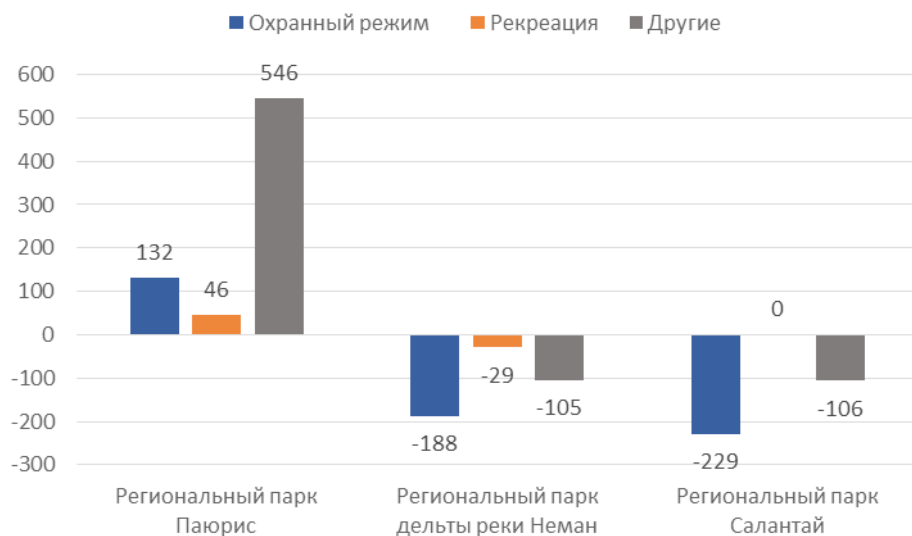

Рис. 5. Изменение численности населения в 2019 году по сравнению с 2001 годом в селах с разными приоритетными интересами в исследуемых региональных парках, %

Источник: составлено на основе данных, предоставленных старостами за 2019 год, и данных переписи населения 2001 года, а также на основе классификации населенных пунктов в соответствии с их функциональной приоритетностью.

Исходя из представленных данных, очевидно, что средние показатели произошедших изменений значительно разнятся, в частности в региональном парке Паюрис по сравнению с двумя другими наблюдается увеличение численности населения — в деревнях, имеющих природоохранное, рекреационное назначение и другие статусы, количество жителей возрастало, при этом в региональном парке Салантай и Неманском парке в деревнях с природоохранным статусом отмечено наибольшее

сокращение численности населения. Поселения в региональных парках Паюрис и дельты реки Неман получили рекреационный статус, что оказало наибольшее положительное воздействие на численность населения в них, поскольку ее сокращение в этих населенных пунктах было наименьшим. Рекреационная функция поселений в анализируемых парках требует внимания и дальнейшего развития, в особенности в региональном парке Салантай, где рекреационная инфраструктура не развита вообще. В населенных пунктах, обладающих другими статусами, уменьшение численности населения было аналогичным в течение исследуемого периода как в региональном парке дельты Немана, так и в региональном парке Салантай. В сельское хозяйство в основном вовлечены жители территории регионального парка дельты Немана (от 30 до 70 % населения трудоспособного возраста в разных районах), при этом самая большая площадь сельскохозяйственных угодий простирается на территории Салантайского регионального парка. На территории регионального парка Паюрис нет традиционного сельскохозяйственного производства, так как он в основном покрыт лесами и прибрежными лугами.

В результате анализа интервью можно выделить некоторые факторы, которые могут быть охарактеризованы и как причины и / или как последствия ситуации, сложившейся в исследуемых региональных парках, что показано на рисунке 6.

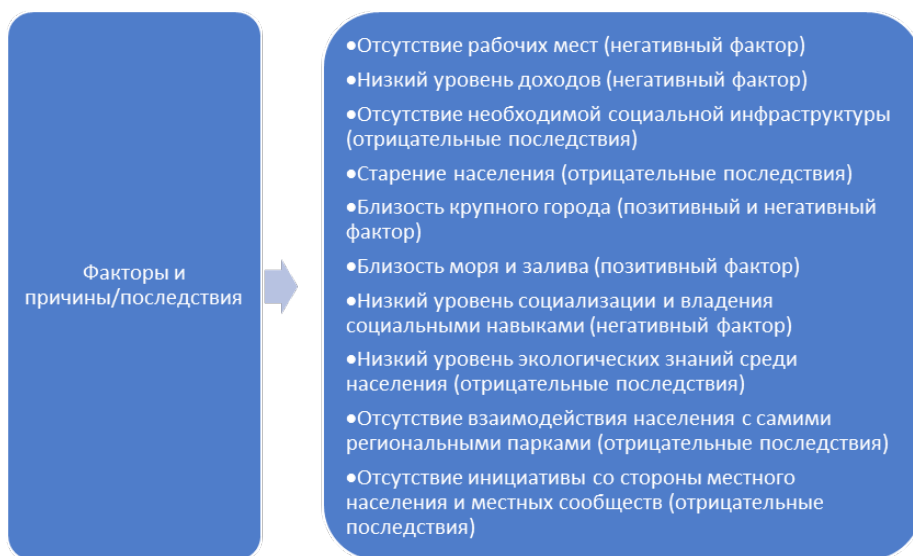

Рис. 6. Выявленные факторы и причины / последствия текущей ситуации с численностью населения сельских поселений в исследуемых региональных парках

Источник: по результатам интервью 2018 и 2020 годов.

Наиболее благоприятная ситуация сложилась в поселениях регионального парка Паюрис, где небольшое сокращение численности населения произошло только в двух поселениях, обладающих рекреационным статусом, а также в одном поселении с природоохранным статусом, при этом в остальных поселениях с аналогичными статусами был зарегистрирован незначительный рост населения. Прирост может быть обусловлен совместными действиями и активным сотрудничеством между региональным парком и местным сообществом деревни Каркле, которая является одной из крупнейших на территории и обладает природоохранным и рекреационным статусом. Необходимо, чтобы в деятельность регионального парка была

также вовлечена деревня Немирсета с населением почти 300 человек, большинство из которых — молодые семьи, что обеспечит лучшее понимание жителями парков миссии и функции этого парка. Региональным парком Паюрис должны быть инициированы мероприятия по экологическому просвещению в других населенных пунктах парка. В парке уже проложена экологическая природная тропа «Литорина», а также имеются спортивные и оздоровительные маршруты.

Более сложная ситуация сложилась в двух других региональных парках. Есть надежда, что в региональном парке Салантай взаимодействие руководства парков и местных жителей будет развиваться в том случае, если парк организует больше инициатив, вовлекая местных жителей, школы и общины в различные мероприятия.

Региональный парк дельты реки Неман приглашает местные сообщества принять участие в мероприятиях по охране окружающей среды, но такое сотрудничество, вероятно, является недостаточным, так как многие жители не понимают задач регионального парка даже в населенных пунктах, в которых установлен рекреационный режим.

Эти парки имеют возможность осуществлять образовательную функцию. Для студентов и преподавателей, а также для широкой аудитории, посещающей региональные парки Неманский и Салантай, были созданы познавательные путеводители. Разработаны три тематических обучающих урока (задания) для активного отдыха. В визит-центрах оборудованы экспозиции экологического просвещения, а во всех парках есть учебные тропы. Однако сотрудничество между администрациями региональных парков и образовательными учреждениями должно быть более ориентировано на совершенствование экологического образования.

По мнению администраторов 12 староств и согласно опыту исследований, перечень мер по улучшению существующей демографической ситуации в населенных пунктах региональных парков Клайпедского уезда может быть разработан как на уровне государства, так и на уровне муниципалитета / староства (рис. 7).

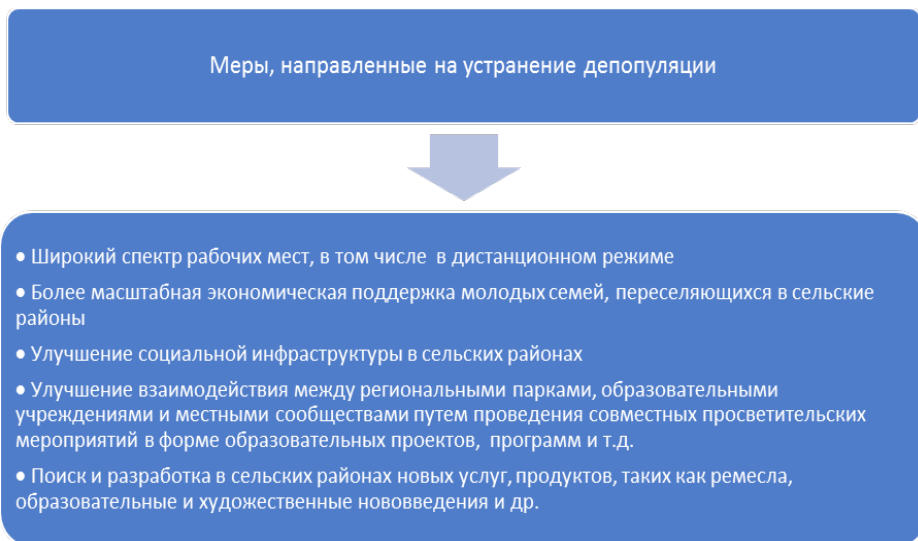

Рис. 7. Перечень мер, которые необходимо реализовать для улучшения текущей ситуации с депопуляцией в сельских районах трех исследуемых региональных парков

Источник: по результатам интервью, проведенных в 2018 и 2020 годах, и на основе эмпирической части исследований.

Устойчивые сельские ландшафты должны предоставлять посетителям комплексные услуги высокого экологического качества в сочетании с экономической и социальной выгодой для их жителей. С. Мюллер продемонстрировал разнообразие

зие оптимальных методов ведения сельского хозяйства, необходимых для обеспечения соответствующего природоохранного статуса различных типов местообитаний [36]. Можно считать развитие органического земледелия успешной мерой [37]. В исследуемых региональных парках находятся 5 органических фермерских хозяйств: 1 — в региональном парке Салантай, 4 — в региональном парке дельты Немана. В региональном парке Паюрис нет органических ферм, но существует устойчивое лесное хозяйство⁵, что также является фактором улучшения ситуации.

Развитие экотуризма дает путешественникам возможность ознакомиться с устойчивыми практиками и позволяет делиться этим опытом с согражданами, а также способствует защите окружающей среды, сохранению биоразнообразия и т.д. [38—42]. Образовательная функция, осуществляемая охраняемыми территориями, также имеет большое значение [43]. Таким образом, региональные парки выполняют не только сохраняющую функцию, приоритетным также является достижение целей, определенных Законом об охраняемых территориях Литвы, — создание условий для отдыха, в первую очередь для познавательного и экологического туризма, развитие экологического образования, продвижение органического земледелия или устойчивого лесного хозяйства и осуществление других функций для комплексного сохранения ландшафта и его ценностей. С другой стороны, меры по защите окружающей среды скорее оказали бы положительное влияние на местные рынки труда, если бы правила ведения бизнеса были смягчены [44].

Улучшение демографической ситуации — сложный и ресурсоемкий процесс. Его реализация не должна быть исключительной ответственностью правительства государства. Роль местных сообществ в возрождении населенных пунктов, находящихся под угрозой исчезновения, также имеет решающее значение. Авторы в исследовании [45] подчеркивают важность неформального планирования, проводимого институциональными агентами, такими как сельские сообщества, спортивные клубы, общественные организации и др. Неформальное планирование включает улучшение инфраструктуры и активизацию культурной жизни территории. Географическое расположение сельских поселений на территории страны или региона должно быть равномерным, а создание комплексной инфраструктуры должно сократить различия между сельскими и городскими территориями [46; 47]. Также важно, чтобы реальная финансовая поддержка местного населения дополняла меры стратегического планирования (снижение налогов, введение льгот или аналогичные меры) [35]. Таким образом, участие жителей в процессе управления укрепит их привязанность к месту, а в целом стремление осуществлять природоохранную деятельность, что будет стимулировать их вовлеченность в этот процесс [48].

Дискуссия и перспективы дальнейших исследований

Сравнение результатов двух переписей населения (1989-го и 2011 годов) позволяет сделать небольшой, но важный вывод: появилось несколько поселений или индивидуальных хозяйств с приростом населения, однако по всей Литве их всего около 130 [32]. На анализируемых территориях имеются две деревни с нулевым населением, которые некоторое время назад были вновь заселены, — Ворусне и Тамишкес в региональном парке дельты Немана.

Анализируя конкретные причины настоящего результата, стоит отметить прежде всего неэффективность или отсутствие взаимодействия между региональными парками, населением и местными сообществами. На изученных нами территориях зарегистрировано лишь несколько положительных примеров такого взаимодействия, в основном в региональном парке Паюрис. Возможно, что более тесное

⁵ Lietuvos erdvinės informacijos portalas. VĮ „GIS-Centras. URL: <http://www.geoportal.lt/lvi/> (дата обращения: 08.08.2020).

сотрудничество между региональными парками и местными сообществами, совместные проекты в области образования и развития сподвигнут людей, особенно молодые семьи, выбирать среду обитания в непосредственной близости от различных региональных парков. Руководство регионального парка играет решающую роль в представлении интересов участников взаимодействия и в налаживании этого взаимодействия [2]. Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется изучение ожиданий местных жителей, особенно молодежи, и анализ общественного мнения.

Выводы

1. В исследуемых региональных парках преобладают небольшие поселения. Основной поток приезжающих в эти населенные пункты — молодежь, однако они селятся там, где развита социальная инфраструктура — детские сады и школы. Такие учреждения есть не во всех поселках или деревнях с населением более 100 человек.

2. Региональный парк Паюрис уникален с демографической точки зрения, так как расположен в прибрежной зоне недалеко от портового города Клайпеды. Географическая привлекательность места и большие возможности для работы побуждают молодые семьи покупать жилье здесь, даже в условиях ограничения строительства жилья на территории с природоохранным статусом. Так, в 2001—2019 годах население регионального парка Паюрис увеличилось в 3,25 раза.

3. В региональном парке Салантай исчезающие деревни расположены недалеко от границ района, они удалены от его центра или от моря и поэтому не привлекательны для жителей. В 2019 году в сравнении с 2001 годом на территории этого парка были выявлены три опустевших населенных пункта. Кроме того, региональный парк Салантай потерял больше всего жителей, проживавших в заповедной зоне, по сравнению с другими региональными парками. Убыль населения может быть связана с ограничениями, налагаемыми статусом регионального парка на строительную и производственную деятельность.

4. В региональном парке дельты реки Неман сельскохозяйственная деятельность населения ограничена по причине затопления лугов. В результате фермеры могут вести на этой территории лишь ограниченную животноводческую деятельность. Такая ситуация непривлекательна для жителей, которые постепенно покидают села. С другой стороны, сфера рекреационных услуг в этом районе развивается, что может положительно сказаться на численности населения в будущем.

5. Отсутствие рабочих мест, низкий уровень доходов, отсутствие соответствующей социальной инфраструктуры и действие законодательных ограничений, связанных с деятельностью региональных парков, — главные отрицательные факторы, влияющие на сокращение численности населения во многих населенных пунктах. Ситуация представляется неудовлетворительной и по причине неразвитого взаимодействия местных сообществ и администраций региональных парков. Поэтому в целях ее улучшения необходимо стимулировать экологическое земледелие, устойчивое лесоводство и другие виды деятельности, более активно привлекать сотрудников региональных парков к взаимодействию со староствами, проводить большее число общественных мероприятий, а также осуществлять разработку различных совместных проектов, в особенности по экологическому просвещению, и организовывать экологические туры. Необходимо предпринимать соответствующие меры экономической поддержки в целях удержания местного населения в сельской местности.

Выражаем благодарность специалистам по ландшафту из региональных парков Салантай, Паюрис и дельты реки Неман, а также администрациям 12 староств Клайпедского уезда (Моседис, Кинтай, Кретингале, Русне, Имбаре, Юкнайчай, Картена, Скуодас, Кулупенай, Саугос, Салантай, Шилуте) за время, потраченное ими на заполнение наших анкет, и предоставление новейших данных о численности населенных пунктов и сельского населения.

Список литературы

1. Güler K., Kâhya Y. Developing an Approach for Conservation of Abandoned Rural Settlements in Turkey // *ITU A|Z Journal of Faculty of Architecture*. 2019. Vol. 16, № 1. P. 97—115. <https://doi.org/10.5505/itujfa.2019.48991>.
2. Martínez-Abraín A., Jiménez J., Jiménez I. et al. Ecological Consequences of Human Depopulation of Rural Areas on Wildlife: A Unifying Perspective // *Biological Conservation*. 2020. Vol. 252. P. 108860. <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2020.108860>.
3. Aleknavičius P., Aleknavičius M., Akelaitytė S. Lietuvos kaimo gyvenamųjų vietovių pokyčių tyrimai // *Journal of Architecture and Urbanism*. 2014. Vol. 38, № 2. P. 161—172. <https://doi.org/10.3846/20297955.2014.924284>.
4. Anokhin A., Kropinova E. G. Scientific and Practical Aspects of Organizing week-end Routes in the Natural Environment Using Technologies of Active tourism // *Service and Tourism: Current Challenges*. 2020. Vol. 14, № 2. P. 50—63. <https://doi.org/10.24411/1995-0411-2020-10205>.
5. Bodesmo M., Pacicco L., Romano B., Ranfa A. The role of environmental and socio-demographic indicators in the analysis of land use changes in a protected area of the Natura 2000 Network: the case study of Lake Trasimeno, Umbria, Central Italy // *Environmental Monitoring and Assessment*. 2012. Vol. 184, № 2. P. 831—843. <https://doi.org/10.1007/s10661-011-2004-z>.
6. Grigsby M. Rural People and Communities in the 21st Century: Resilience and Transformation. By David L. Brown and Kai A. Schafft Polity. 2011. 224 pages // *Social Forces*. 2014. Vol. 93, № 2. P. e59. <https://doi.org/10.1093/sf/sos042>.
7. Karlsson L., Rydén I., Sepp K. Introduction // *Rural Development and Land Use* / eds.: I. Karlsson, L. Rydén. Uppsala University, 2012. P. 11—20. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:603529/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).
8. Pedrolí B., Correia T. P., Primdahl J. Challenges for a Shared European Countryside of Uncertain Future. Towards a Modern Community-based Landscape Perspective // *Landscape Research*. 2016. Vol. 41, № 4. P. 450—460. <https://doi.org/10.1080/01426397.2016.1156072>.
9. Primdahl J., Andersen E., Swaffield S., Kristensen L. Intersecting Dynamics of Agricultural Structural Change and Urbanisation within European Rural Landscapes: Change Patterns and Policy Implications // *Landscape Research*. 2013. Vol. 38, № 6. P. 799—817. <https://doi.org/10.1080/01426397.2013.772959>.
10. van Vliet J., de Groot H. L. F., Rietveld P., Verburg P. H. Manifestations and Underlying Drivers of Agricultural Land use Change in Europe // *Landscape and Urban Planning*. 2015. № 133. P. 24—36. <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2014.09.001>.
11. Woods M. Rural geography: Processes, responses and experiences in rural restructuring. SAGE Publications Ltd, 2011. <https://doi.org/10.4135/9781446216415>.
12. Zariņa A., Vinogradovs I., Šķiņķis P. Towards (dis)continuity of Agricultural Wetlands: Latvia's Polder Landscapes after Soviet Productivism // *Landscape Research*. 2018. Vol. 43, № 3. P. 455—469. <https://doi.org/10.1080/01426397.2017.1316367>.
13. Hoffman D. M. Parks, Proxies, and People Ideology, Epistemology, and the Measurement of Human Population Growth on Protected Area Edges // *Environment and Society: Advances in Research*. 2017. Vol. 8, № 1. P. 161—179. <https://doi.org/10.3167/ares.2017.080108>.
14. Joppa L. Population Change in and around Protected Areas // *Journal of Ecological Anthropology*. 2012. Vol. 15, № 1. P. 58—64. <http://dx.doi.org/10.5038/2162-4593.15.1.4>.
15. Anokhin A., Kropinova E. Principles of Sustainable Development for Rural Tourism Synergy // *E3S Web of Conferences*. Vol. 208, № 05017. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020805017>.
16. Kriaučiūnas E. Lietuvos kaimo gyvenviečių tinklo kaitos ypatumai 1989—2011 metais // *Kaimo raidos kryptys žinių visuomenėje*. 2013. № 1. P. 53—60. URL: <https://talpykla.elaba.lt/elaba-fedora/objects/elaba:6228361/datastreams/MAIN/content> (дата обращения: 07.08.2020).

17. Bučienė A., Gadal S., Galinienė J., Gailius V. The geographic-retrospective analysis of landscape in Žemaičių Naumiestis ward // *Geologija Geografija*. 2017. T. 3 (1). P. 25–36.
18. Csapó T., Balogh A. Development of the Settlement Network in the Central European Countries: Past, Present, and Future. Springer Science & Business Media, 2011.
19. Paniagua A. Local people unprotected by protected (depopulated) natural areas: the case of Sierra Norte Guadalajara, Spain // *GeoJournal*. 2018. Vol. 83, № 5. P. 993–1004. <https://doi.org/10.1007/s10708-017-9813-8>.
20. Rodríguez-Rodríguez D., Larrubia R., Sinoga J. D. Are Protected Areas Good for the Human Species? Effects of Protected Areas on Rural Depopulation in Spain // *Science of the Total Environment*. 2021. Vol. 763. P. 144399. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.144399>.
21. Baškytė R. Saugomų teritorijų būklė ir jų ateitis // *Lietuvos saugomos teritorijos*. Vilnius, 2006. P. 320–325.
22. Juknevičiūtė A., Mierauskas P. Saugomų teritorijų plėtra Lietuvoje: valdymo iššūkiai // *Darnaus vystymosi strategija ir praktika*. 2012. № 1(6). P. 78–92. URL: https://www.mruni.eu/upload/iblock/9f9/006_juknevičiute_mierauskas.pdf (дата обращения: 08.08.2020).
23. Mierauskas P. Suinteresuotų asmenų dalyvavimas Lietuvos saugomų teritorijų valdyme // *Socialinių mokslų studijos*. 2010. № 3 (7). P. 125–143. URL: <https://www.mruni.eu/upload/iblock/3f9/8mierauskas.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).
24. Filipe M., de Mascarenhas J. M. Abandoned Villages and Related Geographic and Landscape Context: Guidelines to Natural and Cultural Heritage Conservation and Multifunctional Valorization // *European Countryside*. 2011. Vol. 3, № 1. P. 21–45. <https://doi.org/10.2478/v10091-011-0002-3>.
25. Jaszczak A., Kristianova K., Vaznonienė G., Žukovskis J. Phenomenon of Abandoned Villages and its Impact on Transformation of Rural Landscapes // *Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development*. 2018. Vol 40, № 4. P. 467–480. <https://doi.org/10.15544/mts.2018.43>.
26. Daugirdas V., Burneika D., Kriaučiūnas E. et al. Lietuvos retai apgyvendintos teritorijos. Vilnius, 2013.
27. Kriaučiūnas E., Ribokas G. Šiaulių apskrities retai apgyvendintų teritorijų pokyčiai ir demografinės raidos ypatumai // *Ekonomika ir vadyba: aktualijos ir perspektyvos*. 2012. № 3 (27). P. 135–143. URL: <https://vb.mab.lt/object/elaba:6227695/> (дата обращения: 08.08.2020).
28. Vaitekūnas S., Čepienė E. Lietuvos kaimų sistema: koncepcija, skaičius, dydis, tankumas, kaita // 2014. № 2. P. 53–74. <http://dx.doi.org/10.15181/tbb.v67i2.846>.
29. Baranauskienė V. Kaimiškų teritorijų identifikavimo problema: Lietuvos seniūnijų atvejis // *Geografijos metraštis*. 2019. № 52. P. 5–72. <https://doi.org/10.5200/GM.2019.4>.
30. Mlinkauskienė A. Saugomų kaimo gyvenamųjų vietovių būklės pokyčiai regioniniuose parkuose // *Urbanistinė drieka: miesto ir kaimo sandūra*. Mokslo straipsnių rinkinys. IV Lietuvos urbanistinis forumas. 2010. P. 46–54. URL: <http://dpakademija.lt/stor/uploads/2013/07/2010-UF-leidiny.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).
31. Carter G. L. Population and society: an introduction. Cambridge, UK, 2016. P. 179–190.
32. Kavoliūtė F. Lietuvos gyvenamųjų vietovių vardų kaitos apžvalga (XX a. II pusė), ataskaita / Vilniaus Universitetas. Vilnius, 2017.
33. Verkulevičiūtė-Kriukienė D., Bučienė A., Beteika L. Changes in rural landscape status, functions and human factor: the case of transboundary Nemunas delta region // *Area*. 2017. Vol. 50, № 3. P. 353–363. <https://doi.org/10.1111/area.12383>.
34. Butkutė J. Kaimo gyvenviečių ir gyventojų skaičiaus, lytinės sudėties kaita 2001–2011 metais // *Geografija ir edukacija: mokslo almanachas*. 2014. № 2. P. 21–34.
35. Jurevičienė J. Kaimo kultūrinio kraštovaizdžio vertė // *Journal of Architecture and Urbanism*. 2010. Vol. 34, № 3. P. 113–119. <https://doi.org/10.3846/tpa.2010.11>.
36. Muller S. Appropriate Agricultural Management Practices Required to Ensure Conservation, Biodiversity of Environmentally Sensitive Grassland Sites Designated under Natura 2000 // *Agriculture, Agriculture Ecosystems & Environment*. 2002. Vol. 89. P. 261–266. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167880901002353> (дата обращения: 26.08.2020).

37. Halada L., Evans D., Carlos Romão C., Petersen J-E. Which Habitats of European Importance Depend on Agricultural Practices? // Biodiversity and Conservation. 2011. Vol. 20, № 11. P. 2365—2378. <https://doi.org/10.1007/s10531-011-9989-z>.

38. Lanier P. The positive impacts of ecotourism in protected areas // WIT Transactions on Ecology and The Environment. 2014. Vol. 187. P. 199—209. <https://doi.org/10.2495/ST140161>.

39. Minciu R., Pădurean M., Popescu D., Hornoiu R. Demand for Vacations / Travel in Protected Areas — Dimension of Tourists' Ecological Behavior // Amfiteatru Economic Journal. 2012. Vol. 14, № 31. P. 99—113. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/168749/1/aej-v14-i31-p099.pdf> (дата обращения: 26.01.2021).

40. Ristića D., Vukoičića D., Milinčić M. Tourism and sustainable development of rural settlements in protected areas — Example NP Kopaonik (Serbia) // Land Use Policy. 2019. Vol. 89, P. 104231. <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104231> (дата обращения: 30.03.2021).

41. Stronza A. L., Hunt C. A., Fitzgerald L. A. Ecotourism for Conservation? // Annual Review of Environment and Resources. 2019. Vol. 44, № 1. P. 229—53. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-101718-033046>.

42. Zolfani S. H., Sedaghat M., Maknoon R., Zavadskas E. K. Sustainable tourism: a comprehensive literature review on frameworks and applications // Economic Research-Ekonomiska Istraživanja. 2015. Vol. 28, № 1. P. 1—30. <https://doi.org/10.1080/1531677X.2014.995895>.

43. Abduganiev O. I., Abdurakhmanov G. Z. Ecological Education for the Purposes Sustainable Development // The American Journal of Social Science and Education Innovations. 2020. Vol. 2, № 8. P. 280—284. <https://doi.org/10.37547/tajssei/Volume02Issue08-45>.

44. Byström J., Müller D. K. Tourism labor market impacts of national parks. The case of Swedish Lapland // Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie. 2014. Vol. 58, № 2—3. P. 115—126.

45. Sysner J., Meijer M. Informal Planning in Depopulating Rural Areas. A Resource-based View on Informal Planning Practices // European Countryside. 2017. Vol. 9, № 3. P. 458—472. <https://doi.org/10.1515/euco-2017-0027>.

46. Burinskienė M., Lazauskaitė D. Mažų miestelių, bažnytkaimių, kaimo gyvenviečių perspektyvos // Urbanistinė drieka: miesto ir kaimo sandūra. IV Lietuvos urbanistinis forumas. 2010. P. 34—39. URL: <http://dpakademija.lt/stor/uploads/2013/07/2010-UF-leidiny.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).

47. Mickovic B., Mijanovic D., Spalevic V. et al. Contribution to the Analysis of Depopulation in Rural Areas of the Balkans: Case Study of the Municipality of Niksic, Montenegro // Sustainability. 2020. Vol. 12, № 8. P. 1—23. <https://doi.org/10.3390/su12083328>.

48. Mehnen N., Mose I., Strijker D. Governance and Sense of Place: Half a Century of a German Nature Park // Environmental Policy and Governance. 2013. Vol. 23. P. 46—62. <https://doi.org/10.1002/eet.1592>.

Об авторах

Даива Веркулевичюте-Крюкене, доктор наук, факультет социальных и гуманитарных наук, Клайпедский университет, Литва.

E-mail: verkuleviciute.daiva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0675-1879>

Ангелия Бучене, доктор наук, профессор, факультет социальных и гуманитарных наук, Клайпедский университет, Литва.

E-mail: angelijab@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5700-5820>

Эрика Чепиене, аспирант, факультет социальных и гуманитарных наук, Клайпедский университет, Литва.

E-mail: erikacepiene@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1536-2595>

DEPOPULATION OF COASTAL RURAL LITHUANIA: DO REGIONAL PARKS STABILISE THE SITUATION?

D. Verkulevičiūtė-Kriukienė

A. Bučienė

E. Čepienė

Klaipėda University
S. Neries g. 5, Klaipėda, LT-92227, Lithuania

Received 27 December 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-5
© Verkulevičiūtė-Kriukienė, D., Bučienė, A.,
Čepienė, E. 2021

Regional parks in Lithuania preserve the most valuable physical and cultural components of the landscape, NATURA 2000 habitats, etc. They are usually located in natural or semi-natural landscapes of rural areas. These territories, however, have a higher depopulation rate than urbanised districts. Still, conservation priority areas were expected to attract young families as permanent residents and make their population more stable. This study aims to investigate changes in the rural population in three regional parks of the Klaipėda county to determine the number of abandoned villages (with no residents) and vanishing ones (with a population < 5), as compared to territories with no conservation regime. The article examines migration as one of the determinants of depopulation. The analysis of national and local statistics, institutional documents, and structured interviews revealed that the conservation regime applied in regional parks did not necessarily encourage local people to stay or newcomers to arrive. Proximity to the sea and towns with developed social infrastructure remains a priority when looking for a residence in the countryside.

Keywords:

depopulation, disappeared villages, rural population, regional parks, conservation priority

References

1. Güler, K., Kâhya, Y. 2019, Developing an Approach for Conservation of Abandoned Rural Settlements in Turkey, *ITU A|Z Journal of Faculty of Architecture*, vol. 16, no. 1, p. 97–115, doi: <https://doi.org/10.5505/ituja.2019.48991>.
2. Martínez-Abraín, A., Jiménez, J., Jiménez, I., Ferrer, X., Llana, L., Ferrer, M., Palomero, G., Ballesteros, F., Galán, P., Oro, D. 2020, Ecological Consequences of Human Depopulation of Rural Areas on Wildlife: A Unifying Perspective, *Biological Conservation*, no. 252. doi: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2020.108860>.
3. Aleknavičius, P., Aleknavičius, M., Akelaitytė, S. 2014, Lietuvos kaimo gyvenamųjų vietovių pokyčių tyrimai [Research of Changes of Rural Residential areas in Lithuania], *Journal of Architecture and Urbanism*, vol. 38, no. 2, p. 161–172. doi: 10.3846/20297955.2014.924284 (in Lithuanian).
4. Anokhin, A., Kropinova, E. G. 2020, Scientific and Practical Aspects of Organizing week-end Routes in the Natural Environment Using Technologies of Active tourism, *Service and Tourism: Current Challenges*, vol. 14, no. 2, p. 50–63. doi: 10.24411/1995-0411-2020-10205.
5. Bodesmo, M., Pacicco, L., Romano B., Ranfa, A. 2011, The role of environmental and socio-demographic indicators in the analysis of land use changes in a protected area of the Natura 2000 Network: the case study of Lake Trasimeno, Umbria, Central Italy, *Environmental Monitoring and Assessment*, 184. doi:10.1007/s10661-011-2004-z.

To cite this article: Verkulevičiūtė-Kriukienė, D., Bučienė, A., Čepienė, E. 2021, Depopulation of coastal rural Lithuania: do regional parks stabilise the situation?, *Balt. Reg.*, Vol.13, no 1, p. 90–111. doi: 10.5922/2079-8555-2021-2-5.

6. Brown, D. L., Schafft, K. A. 2011, *Rural People and Communities in the 21st Century: Resilience and Transformation*, Cambridge, Polity, 224 p. doi: <https://doi.org/10.1093/sf/sos042>.
7. Karlsson, I., Rydén, L., Sepp, K. 2012, Introduction. In: Karlsson, I., Rydén, L. *Rural Development and Land Use*, The Baltic University Programme, Uppsala University, p. 11 – 20, available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:603529/FULLTEXT01.pdf> (accessed 25 January 2021).
8. Pedroli, B., Correia, T. P., Primdahl, J. 2016, Challenges for a Shared European Countryside of Uncertain Future. Towards a Modern Community-based Landscape Perspective, *Landscape Research*, vol. 41, no. 4, p. 450 – 460. doi: 10.1080/01426397.2016.1156072.
9. Primdahl, J., Andersen, E., Swaffield, S., Kristensen, L. 2013, Intersecting Dynamics of Agricultural Structural Change and Urbanisation within European Rural Landscapes: Change Patterns and Policy Implications, *Landscape Research*, no. 38, p. 799 – 817.
10. van Vliet, J., de Groot, H. L. F., Rietveld, P., Verburg, P. H. 2015, Manifestations and Underlying Drivers of Agricultural Land use Change in Europe, *Landscape and Urban Planning*, no. 133, p. 24 – 36. doi: 10.1016/j.landurbplan.2014.09.001.
11. Woods, M. 2011, *Rural geography: Processes, responses and experiences in rural restructuring*, SAGE Publications Ltd. doi: <https://www.doi.org/10.4135/9781446216415>.
12. Zariņa, A., Vinogradovs, I., Šķiņķis, P. 2018, Towards (dis)continuity of Agricultural Wetlands: Latvia's Polder Landscapes after Soviet Productivism, *Landscape Research*, vol. 43, no. 3, p. 455 – 469. doi: 10.1080/01426397.2017.1316367.
13. Hoffman, D. M. 2017, Parks, Proxies, and People Ideology, Epistemology, and the Measurement of Human Population Growth on Protected Area Edges. Environment and Society, *Advances in Research*, vol. 8, no 1., p. 161 – 179. doi: 10.3167/ares.2017.080108.
14. Joppa, L. 2012, Population Change in and around Protected Areas, *Journal of Ecological Anthropology*, vol. 15, no. 1, p. 58 – 64. doi: <http://dx.doi.org/10.5038/2162-4593.15.1.4>.
15. Anokhin, A., Kropinova, E. 2020, Principles of Sustainable Development for Rural Tourism Synergy, *E3S Web of Conferences*, vol. 208, no. 05017. doi: <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/202020805017>.
16. Kriaučiūnas, E. 2013, Lietuvos kaimo gyvenviečių tinklo kaitos ypatumai 1989–2011 metais, *Kaimo raidos kryptys žinių visuomenėje* [The Particularities of Lithuanian Rural Settlement Network Alternations during the Period 1989–2011. Trends of Rural Development in the Knowledge Society], no. 1, p. 53 – 60, available at: <https://talpykla.elaba.lt/elaba-fedora/objects/elaba:6228361/datastreams/MAIN/content> (accessed 7 August 2020) (in Lithuanian).
17. Bučienė, A., Gadal, S., Galinienė, J., Gailius, V. 2017, The geographic-retrospective analysis of landscape in Zemaičių Naumiestis ward, *Geologija Geografija* [Geology Geography], vol. 3, no. 1, p. 25 – 36.
18. Csapó, T., Balogh, A. 2011, *Development of the Settlement Network in the Central European Countries: Past, Present, and Future*, Springer Science & Business Media, 105 p.
19. Paniagua, A. 2018, Local people unprotected by protected (depopulated) natural areas: the case of Sierra Norte Guadalajara, Spain, *GeoJournal*, no. 83, p. 993 – 1004. doi: <https://doi.org/10.1007/s10708-017-9813-8>.
20. Rodríguez-Rodríguez, D., Larrubia, R., Sinoga, J. D. 2021, Are Protected Areas Good for the Human Species? Effects of Protected Areas on Rural Depopulation in Spain, *Science of the Total Environment*, vol. 763, p. 1 – 9. doi: <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.144399>.
21. Baškytė, R. 2006, Saugomų teritorijų būklė ir jų ateitis, *Lietuvos saugomos teritorijos* [Status and future of protected territories, The protected territories of Lithuania], Vilnius, p. 320 – 325 (in Lithuanian).
22. Juknevičiūtė, A., Mierauskas, P. 2012, Saugomų teritorijų plėtra Lietuvoje: valdymo iššūkiai, *Darna vystymosi strategija ir praktika* [Development of protected areas in Lithuania: management challenges. Sustainable development strategy and practice], no. 1 (6), p. 78 – 92, available at: https://www.mruni.eu/upload/iblock/9f9/006_juknevičiute_mierauskas.pdf (accessed 8 August 2020) (in Lithuanian).
23. Mierauskas, P. 2010, Sinteresuotų asmenų dalyvavimas Lietuvos saugomų teritorijų valdyme, *Socialinių mokslų studijos* [Stakeholder Participation in the Management of Lithuanian Protected Areas, Societal studies], no. 3 (7). p. 125 – 143, available at: <https://www.mruni.eu/upload/iblock/3f9/8mierauskas.pdf> (accessed 8 August 2020) (in Lithuanian).
24. Filipe, M., de Mascarenhas, J. M. 2011, Abandoned Villages and Related Geographic and Landscape Context: Guidelines to Natural and Cultural Heritage Conservation and Multifunctional Valorization, *European Countryside*, vol. 3, no. 1, p. 21 – 45. doi: <https://doi.org/10.2478/v10091-011-0002-3>.

25. Jaszczak, A., Kristianova, K., Vaznonienė, G., Žukovskis, J. 2018, Phenomenon of Abandoned Villages and its Impact on Transformation of Rural Landscapes, *Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development*, vol. 40, no. 4, p. 467—480. doi: 10.15544/mts.2018.43.
26. Daugirdas, V., Burneika, D., Kriaučiūnas E., Ribokas G., Stanaitis A., Ubarevičienė R. 2013, *Lietuvos retai apgyvendintos teritorijos* [Sparsely populated territories in Lithuania], Vilnius (in Lithuanian).
27. Kriaučiūnas, E., Ribokas, G. 2012, Šiaulių apskrities retai apgyvendintų teritorijų pokyčiai ir demografinės raidos ypatumai, *Ekonomika ir vadyba: aktualijos ir perspektyvos* [Peculiarities of changes and demographic development of sparsely populated territories in Šiauliai county. Economics and Management: Current Issues and Perspectives], no. 3 (27), p. 135—143, available at: <https://vb.mab.lt/object/elaba:6227695/> (accessed 8 August 2020) (in Lithuanian).
28. Vaitekūnas, S., Čepienė, E. 2014, Lietuvos kaimų sistema: koncepcija, skaičius, dydis, tankumas, kaita, Tiltai [Lithuanian rural settlements system: conception, the number, size, density, location, changes, *Bridges*, no. 2, p. 53—74. doi: <http://dx.doi.org/10.15181/tbb.v67i2.846> (in Lithuanian).
29. Baranauskienė, V. 2019, Kaimiškų teritorijų identifikavimo problema: Lietuvos seniūnijų atvejis, *Geografijos metraštis* [The Problem of Identification of Rural Areas: The Case of Lithuanian Elderships, The Geographical Yearbook], no. 52, p. 5—72. doi: <https://doi.org/10.5200/GM.2019.4> (in Lithuanian).
30. Mlinkauskienė, A. 2010, Saugomų kaimo gyvenamųjų vietovių būklės pokyčiai regioniniuose parkuose. In: *IV Lietuvos urbanistinis forumas, Urbanistinė drieka: miesto ir kaimo sandūra* [Changes in the condition of protected rural settlements in regional parks. 4th Lithuanian Urban Forum. Urban sprawl: the junction of urban and rural], p. 46—54, available at: <http://dpakademija.lt/stor/uploads/2013/07/2010-UF-leidiny.pdf> (accessed 7 August 2020) (in Lithuanian).
31. Carter, G. L. 2016, *Population and society: an introduction*, Cambridge, UK, Polity Press, p. 179—190.
32. Kavolūtė, F. 2017, *Lietuvos gyvenamųjų vietovių vardų kaitos apžvalga (XX a. II pusė), ataskaita*, Vilniaus Universitetas, Geomokslų institutas, Geografijos ir kraštotvarkos katedra, Vilnius [Overview of change of names of residential settlements of Lithuania in the II part of XX c., report, Department of Geography and Landscape management, Institute of Geosciences, Vilnius university], 42 p. (in Lithuanian).
33. Verkulevičiūtė-Kriukienė, D., Bučienė, A., Beteika, L. 2017, Changes in rural landscape status, functions and human factor: the case of transboundary Nemunas delta region, *Area*, Royal Geographical Society (with the Institute of British Geographers). doi: <https://doi.org/10.1111/area.12383>.
34. Butkutė, J. 2014, Kaimo gyvenviečių ir gyventojų skaičiaus, lytinės sudėties kaita 2001—2011 metais, *Geografija ir edukacija: mokslo almanachas* [The variation of rural settlements and the number of residents as well as their composition by gender in 2001—2011, Geography and education: science almanac], no. 2, Vilnius, Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, p. 21—34 (in Lithuanian).
35. Jurevičienė, J. 2010, Kaimo kultūrinio kraštovaizdžio vertė, *Urbanistika ir architektūra* [Cultural Value of Agrarian Landscape, Town Planning and Architecture], vol. 34. no. 3, p. 113—119. doi: <https://doi.org/10.3846/tpa.2010.11> (in Lithuanian).
36. Muller, S. 2002, Appropriate Agricultural Management Practices Required to Ensure Conservation, Biodiversity of Environmentally Sensitive Grassland Sites Designated under Natura 2000, *Agriculture, Agriculture Ecosystems & Environment*, no. 89, p. 261—266, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0167880901002353> (accessed 25 August 2021).
37. Halada, L., Evans, D., Carlos Romão, C., Petersen, J-E. 2011, Which Habitats of European Importance Depend on Agricultural Practices? *Biodiversity and Conservation*, no. 20, p. 2365—2378. doi: 10.1007/s10531-011-9989-z.
38. Lanier, P. 2014, The positive impacts of ecotourism in protected areas, *WIT Transactions on Ecology and The Environment*, no. 187, p. 199—209. doi:10.2495/ST140161.
39. Minciu, R., Pădurean, M., Popescu, D., Hornoiu, R. 2012, Demand for Vacations / Travel in Protected Areas — Dimension of Tourists' Ecological Behavior, *Amfiteatru Economic Journal*, no. 14 (31), p. 99—113, available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/168749/1/aej-v14-i31-p099.pdf> (accessed 26 January 2021).

40. Ristića, D., Vukoičića, D., Milinčić, M. 2019, Tourism and sustainable development of rural settlements in protected areas — Example NP Kopaonik (Serbia), *Land Use Policy*, no. 89, 104231, available at: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.104231> (accessed 30 March 2021).

41. Stronza, A. L., Hunt, C. A., Fitzgerald, L. A. 2019, Ecotourism for Conservation?, *Annual Review of Environment and Resources*, no. 44, p. 229—5. doi: <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-101718-033046>.

42. Zolfani, S. H., Sedaghat, M., Maknoon, R., Zavadskas, E. K. 2015, Sustainable tourism: a comprehensive literature review on frameworks and applications, *Economic Research-Ekonomika Istraživanja*, vol. 28, no. 1, p. 1—30. doi: <https://doi.org/10.1080/1531677X.2014.995895>.

43. Abduganiev, O. I., Abdurakhmanov, G. Z. 2020, Ecological Education for the Purposes Sustainable Development, *The American Journal of Social Science and Education Innovations*, no. 2 (8), p. 280—284. doi: <https://doi.org/10.37547/tajssei/Volume02Issue08-45>.

44. Byström, J., Müller, D. K. 2014, Tourism labor market impacts of national parks. The case of Swedish Lapland, *Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie*, vol. 58, no. 2—3, p. 115—126.

45. Syssner, J., Meijer, M. 2017, Informal Planning in Depopulating Rural Areas. A Resource-based View on Informal Planning Practices, *European Countryside*, vol. 9, no. 3, p. 458—472. doi: 10.1515/euco-2017-0027.

46. Burinskienė, M., Lazauskaitė, D. 2010, Mažų miestelių, bažnytkaimių, kaimo gyvenviečių perspektyvos. In: *IV Lietuvos urbanistinis forumas, Urbanistinė driekia: miesto ir kaimo sandūra* [Perspectives of small towns, church villages and rural settlements. 4th Lithuanian Urban Forum. Urban sprawl: the junction of urban and rural], p. 34—39, available at: <http://dpakademija.lt/stor/uploads/2013/07/2010-UF-leidinys.pdf> (accessed 7 August 2020) (in Lithuanian).

47. Mickovic, B., Mijanovic, D., Spalevic, V., Skataric, G., Dudic, B. 2020, Contribution to the Analysis of Depopulation in Rural Areas of the Balkans: Case Study of the Municipality of Niksic, Montenegro, *Sustainability*, no. 12(8), p. 1—23. doi: 10.3390/su12083328.

48. Mehnen, N., Mose, I., Strijker, D. 2013, Governance and Sense of Place: Half a Century of a German Nature Park, *Environmental Policy and Governance*, no. 23, p. 46—62. doi: <https://doi.org/10.1002/eet.1592>.

The authors

Dr Daiva Verkulevičiūtė-Kriukienė, Klaipėda University, Faculty of Social Sciences and Humanities, Lithuania.

E-mail: verkuleviciute.daiva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0675-1879>

Prof. Dr Angelija Bučienė, Klaipėda University, Faculty of Social Sciences and Humanities, Lithuania.

E-mail: angelijab@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5700-5820>

Erika Čepienė, PhD student, Klaipėda University, Faculty of Social Sciences and Humanities, Lithuania.

E-mail: erikacepiene@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1536-2595>